

Проходимецъ.

(Изъ воспоминаній).

I.

Встрѣча съ нимъ.

..Натыкаясь во тьмѣ на плетни, я храбро шагаль, по лужамъ грязи отъ окна ко окну, не громко стучаль съ стекла пальцемъ и возглашалъ:

— Пустите прохожаго ночевать!?

Въ отвѣтъ меня посылали къ сосѣдямъ, въ „сборню“, къ черту; изъ одного окна обѣщали натравить на меня собакъ, изъ другого молча, но краснорѣчиво погрозили большимъ кулакомъ. А какая-то жевщина кричала мнѣ:

— Иди-ка, иди прочь, пока цѣль! У меня мужъ дома...

Я понялъ ее такъ: очевидно, она принимала ночлежниковъ только въ отсутствіе мужа... Пожалѣвъ, что онъ дома, я пошелъ къ слѣдующему окну.

— Добрые люди! Пустите прохожаго ночевать!?

Мнѣ ласково отвѣтили:

— Иди съ Богомъ... дальше!

А погода была скверная—сыпался мелкій, холодный дождь и грязная земля была густо окутана тьмой. Иногда откуда-то налеталъ порывъ вѣтра; онъ тихо нылъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, шелестѣлъ мокрой соломой на крышахъ и рождалъ еще много невеселыхъ звуковъ, нарушая скорбною музыкой стонувъ и вздоховъ темную тишину ночи. Слушая эту печальную прелюдію въ суровой поэмѣ, которую зовутъ осенью—люди подъ крышами, вѣроятно, были дурно настроены и поэтому не пускали меня ночевать. Я долго боролся съ этимъ ихъ рѣшеніемъ, они стойко сопротивлялись мнѣ и наконецъ уничтожили мою надежду на ночлегъ подъ кровлей. Тогда я вышелъ изъ деревни въ поле, думая что тутъ, быть можетъ, найду стогъ сѣна или соломы... хотя только случай могъ указать мнѣ ихъ въ этой густой и тяжелой тьмѣ.

..На вотъ я вижу, что въ трехъ шагахъ отъ меня возвышается что-то большее и еще болѣе темное, чѣмъ сама тьма. Иду туда и догадываюсь—это хлѣбный магазинъ. Хлѣбные магазины строятся не прямо на землѣ, а на сваяхъ или на камняхъ; между поломъ магазина и землей есть пространство, гдѣ порядочный человекъ можетъ сво-

бодно помѣститься—стоитъ только лечь на животь и проползти туда.

Очевидно, судьба хотѣла, чтобъ я провель эту ночь не только подъ крышей, но и подъ поломъ. Довольный этимъ, я ползъ по сухой землѣ ощущая грудью и боками болѣе ровное мѣсто для ложа. И вдругъ во тьмѣ раздается нѣкій спокойно предупреждающій голосъ:

— Держите лѣвѣе, почтенный...

Это было не страшно, но, по истинѣ, неожиданно.

— Кто тутъ? спросилъ я.

— Человѣкъ... съ палкой...

— Палка и у меня есть...

— А спички есть?

— И спички имѣю...

— Вотъ и хорошо!

Я не видѣлъ въ этомъ ничего хорошаго, ибо на мой взглядъ хорошо мнѣ могло быть только тогда, когда-бы я имѣлъ хлѣбъ и табакъ, а не одиѣ только спички.

— А что—въ деревнѣ не пускаютъ ночевать? спросилъ невидимый голосъ.

— Не пускаютъ, сказалъ я.

— И меня тоже не пустили...

Это было ясно,—если только онъ просился на ночлегъ. Но онъ могъ и не проситься, а сюда залѣзъ, быть можетъ, только для того, чтобъ выждать удобный моментъ для совершенія какой-нибудь рискованной операціи, непременно требующей покрова ночи. Конечно, всякій трудъ угоденъ Богу, но памятуя это, я рѣшилъ крѣпко держать въ рукѣ мою палку.

— Не пустили, черти! повторилъ голосъ.— Дубье! Въ хорошую погоду пускаютъ, а вотъ въ такую—хотъ реви!

— А вы куда идете? спросилъ я.

— Въ... Николаевъ. А вы?

Я сказалъ, куда.

— Попутчики, значить. А ну, зажгите-ка спичку, я закуру.

Спички отсырѣли—я очень долго и нетерпѣливо шаркалъ ими о доски надъ моею головой. Вотъ, наконецъ, вспыхнулъ маленький огонекъ и изъ тьмы выглянуло блѣдное лицо, въ густой черной бородѣ.

Больше, умные глаза съ усмѣшкой посмотрѣли на меня, потомъ изъ-подъ усовъ блеснули бѣлые зубы, и человекъ сказалъ мнѣ:

— Хотите курить?

Спичка догорѣла. Зажгли другую и при свѣтѣ ея еще разъ осмотрѣли другъ друга,

послѣ чего мой соночлежникъ увѣренно объявилъ:..

— Ну, намъ, кажется, можно не стѣснять ся другъ друга... берите папирску.

У него въ зубахъ была другая и, разгораясь при куреніи, она освѣщала его лицо слабымъ, красноватымъ свѣтомъ. Около глазъ и на лбу у этого человѣка было много глубокихъ и тонко прорѣзанныхъ морщинъ. Раньше, при свѣтѣ спички я замѣтилъ, что онъ одѣтъ въ остатки стараго ватнаго пальто, подпоясанъ веревкой, а на ногахъ у него башмаки изъ цѣльнаго куска кожи— „поршни“, какъ ихъ зовутъ на Дону.

— Странникъ? спросилъ я.

— Да, цѣшешествую. А вы?

— Тоже.

Онъ завозился, и при этомъ брякнуло что-то металлическое, — очевидно, чайникъ или котелокъ, эти необходимыя принадлежности странника по святымъ мѣстамъ. Но въ его лицѣ не было оттѣнка того лисьяго благочестія, которое всегда выдаетъ странника, — въ его тонѣ не звучала обязательная для странника воробьятая ележность и пока въ рѣчахъ его не было ни вздоховъ благоговѣйныхъ, ни словъ „отъ писанія“. Вообще онъ не походилъ на профессионалиста-шат, на по святымъ мѣстамъ, эту худшую разновидность неисчислимой „бродячей Руси“ — худшую по своимъ моральнымъ качествамъ и влѣдствіе массы лжи и суевѣрій, которыми люди этого типа заражаютъ духовно-голодную, всегда алчущую деревню. Къ тому же и шелъ онъ въ Николаевъ, гдѣ нѣтъ святыхъ и мощей...

— А откуда шагаете? спросилъ я.

— Изъ Астрахани...

Въ Астрахани тоже нѣтъ мощей. Тогда я спросилъ его:

— Значить, вы отъ „моря до моря“ ходите, а не по святымъ мѣстамъ?

— И во святыхъ мѣстахъ захожу. Почему же не зайти во святое мѣсто? Съ удовольствіемъ захожу... тамъ всегда хорошо кормятъ... особенно, если со мнихами въ интимность вступить. Нашъ братъ Исакій ими очень уважается, потому что великое разнообразіе вноситъ въ ихъ пустую жизнь. А вы какъ на счетъ этого?

Я объяснилъ.

— Кормовыя мѣста. А откуда идете? Ага! Путина протяженная. Запаливайте спичку— еще покуримъ. Когда куришь, какъ будто теплѣе становится...

Было дѣйствительно холодно и отъ вѣтра, который то и дѣло нахально врвался къ намъ, и отъ мокрой одежды.

— Можеть быть, вы вѣтъ хотите? Я имѣю хлѣбъ, картофель и двѣ жареныхъ вороны... дать?

— Ворону? спросилъ я съ любопытствомъ.

— А вы ихъ не ѣдите? напрасно...

Онъ сунулъ мнѣ большую краюху хлѣба.

— Я не пробовалъ воронъ...

— На-те, попробуйте. Осенью онѣ прелезусныя. И потомъ—гораздо прятѣе вѣтъ ворону, выуженную своей рукой, чѣмъ хлѣбъ или сало, поданные тебѣ рукой ближняго изъ окна дома его... который всегда, послѣ того какъ примешь милостыню, — хочется поджечь...

Это онъ резонно говорилъ—резонно и интересно. Употребленіе воронъ въ пищу было ново для меня, но не вызвало во мнѣ удивленія—я зналъ, что въ Одессѣ, зимой, „раклы“ ѣдятъ крысъ, въ Ростовѣ—улитокъ. Что тутъ невѣроятнаго? Даже парижане, находясь въ осадномъ положеніи, съ удовольствіемъ кушали всякую дрянь, а есть люди, которые всю жизнь находятся въ осадномъ положеніи.

— А какъ же вы ловите воронъ? освѣдомился я.

— Не ртомъ, конечно. Ихъ можно убивать палкой или камнемъ, но вѣрнѣе — удить! Нужно привязать на конецъ длинной бичевки кусокъ сала, мяса, корку хлѣба. Ворона схватитъ, проглотитъ и—таща ее! Потомъ свернуть ей голову, ошпатель, выпотрошить и, воткнувъ на палку, — жарить надъ костромъ.

— Хорошо-бы теперь посидѣть у костра! вздохнулъ я.

Холодъ становился все ощутительнѣе. Казалось, что и самъ вѣтеръ иззябъ—онъ съ такимъ болѣзненно-дрожащимъ визгомъ бился о стѣны магазина. Порою вмѣстѣ съ нимъ прилеталъ вой собаки, пѣніе пѣтуха, тоскливый звукъ сторожевого колокола сельской церкви, скрытой гдѣ-нибудь во тьмѣ. Капли дождя тяжело падали съ крыши магазина на мокрую землю.

— Скучно лежать молча... сказалъ мой соночлежникъ.

— А говорить—холодно, замѣтилъ я.

— А вы суньте вашъ языкъ за пазуху... согрѣется.

— Спасибо за советъ...

— Вмѣстѣ, что-ли, поидемъ? Намъ по дороге...

— Поидемте!

— Такъ познакоимся... я, наприимѣръ, дворянинъ Павелъ Игнатьевъ Промтовъ...

Отрекомендовался я.

— Ну-съ, такъ вотъ! Теперь спрошу — вы какъ попали на стезю сію? По слабости къ водкѣ что-ли?

— Отъ скуки жизни...

— И это возможно... А вы знаете одно сенатское изданіе, именуемое: справки о сурдимости?

— Знаю...

— Ваше имя тамъ напечатано?

Я въ то время еще нигдѣ не печатался, о чемъ и заявилъ ему.

— И я тоже не пропечатанъ...

— Но—надѣетесь?

— Все въ рукѣ Божіей!

— А вы, кажется, веселый человѣкъ?

— О чемъ горевать?!

— Не всякій скажетъ это, будучи въ нашемъ положеніи, усумнился я въ искренности его словъ.

— Положеніе—сырое и холодное, но вѣдь оно измѣнится съ разсвѣтомъ. Взойдетъ солнце... вѣдь оно взойдетъ? Тогда мы выльземъ отсюда и будемъ пить чай, поѣдимъ, согрѣемся... Развѣ плохо?

— Хорошо! согласился я.

— Ну вотъ видите! Все дурное имѣетъ свои хорошія стороны...

— Все хорошее—свои дурныя...

— Амивъ! теномъ діакона возгласилъ Промтовъ.

Ей-Богу, маѣ съ нимъ становилось весело! Я жалѣлъ, что не могу видѣть его лица, которое, судя по богатству интонаціи его голоса, должно было очень выразительно играть... Мы долго говорили съ нимъ о пустякахъ, скрывая за ними обоюдное желаніе ближе узнать другъ друга, и я внутренно восхищался той ловкостью, съ которой онъ, умалчивая о себѣ, заставлялъ меня высказываться предъ нимъ.

Пока мы мирно бесѣдовали—дождь пересталъ и тьма незамѣтно начала таять, уже на востокѣ загоралась вѣжнимъ блескомъ розоватая полоса разсвѣта. Съ разсвѣтомъ вмѣстѣ явилась и свѣжесть утра—приятная и бодрящая, когда она застаётъ человѣка одѣтымъ въ сухое и теплое платье.

— Не найдемъ-ли мы тутъ чего-нибудь для кистра... сухой щепки? спросилъ Промтовъ.

Ползая по землѣ, мы поискали, но ничего не нашли. Тогда рѣшили отодрать какую-то доску, не особенно крѣпко прибитую къ своему мѣсту. Отодравъ,—превратили ее въ щепы. Затѣмъ Промтовъ предложилъ попробовать, нельзя-ли провертѣть дыру въ полу магазина, дабы достать зеренъ ржи,—ибо если рожь сварить въ водѣ—получается хорошая пища. Я протестовалъ, заявивъ, что это не удобно—мы выпустимъ изъ магазина нѣсколько пудовъ ржи для того, чтобъ взять ее два-три фунта.

— А вамъ какое до этого дѣло? спросилъ Промтовъ.

— Нужно—я слышалъ—имѣть уваженіе къ чужой собственности...

— Это, батенька, только тогда нужно, когда есть своя... и нужно только потому, что она для всякаго другого—чужая...

Я замолчалъ, думая про себя, что этотъ человѣкъ долженъ быть крайнимъ либера-

ломъ въ вопросѣ о собственности и что пріятность знакомства съ нимъ имѣетъ свои неудобства.

Вскорѣ явилось солнце, веселое и яркое. Голубые куски неба смотрѣли изъ разорванныхъ тучъ, медленно и устало плывшихъ на сѣверъ. Всюду сверкали капли дождя. Мы съ Промтовымъ выльзали изъ-подъ магазина и пошли полевъ, по щетивѣ скошеннаго хлѣба, къ зеленой, извилистой лентѣ деревьевъ, вдали отъ насъ.

— Тамъ—рѣка, сказалъ мой знакомый.

Я смотрѣлъ на него и думалъ, что ему должно быть лѣтъ сорокъ и что жизнь для него была не шуткой. Его глаза, темные и глубоко запавшіе въ орбиты, блестѣли спокойно и самоувѣренно, а когда онъ немного прищуривалъ ихъ,—лицо его принимало выраженіе лукавое и черствое. Въ его твердой и спорой походкѣ, въ разцѣвъ изъ кожи, ловко прикрѣпленномъ на спицѣ, во всей его фигурѣ видна была привычка къ бродячей жизни, волчья опытность и лисья своровка.

— Пойдемъ мы съ вами такъ,—говорилъ онъ:—сейчасъ за рѣкой, верстахъ въ шести, будетъ село Манжелва, а отъ него прямая дорога на Новую Прагу. Около этого мѣстечка живутъ штудисты, баптисты и другіе мечтательные мужички... Они прекрасно кормятъ, если имъ соврать что-нибудь утѣшительное. Но отъ писанія съ ними—ни слова! Они сами въ писаніи, какъ дома...

Мы выбрали себѣ мѣсто недалеко отъ группы осокорей, набрали камней, которыхъ много валялось на берегу рѣчки, мутной отъ дождя, и на камняхъ развели костеръ. Верстахъ въ двухъ отъ насъ на возвышенности стояла деревня и на солонѣ ей крылье блестяло розоватое золото разсвѣта. Стѣны бѣлыхъ хатъ скрывали острия пирамиды тополей, окрашенные въ краски осени и утренняго солнца. Тополи окутывалъ сѣрый дымъ изъ трубъ, окутывалъ, затемняя оранжевые и багряные цвѣта листвы и нѣжно-голубое небо между ею.

— Я буду купаться,—объявилъ Промтовъ.—Это необходимо послѣ такой скверной ночи. Совѣтую и вамъ. А пока мы освѣжимся—чай вскапить. Знаете, нужно заботиться, чтобъ естество наше всегда было чисто и свѣжо.

Говоря—онъ раздвѣвался. Тѣло у него было породистое, красиво сложенное, съ крѣпкими, хорошо развитыми мускулами. И когда я увидалъ его обнаженнымъ, грязныя лохмотья, сброшенные имъ съ себя, показались мнѣ вдвое гнусными и мерзкими, чѣмъ казались до сей поры... Окунувшись въ жгучую воду рѣки, дрожащія и синіе отъ холода, мы выскочили на берегъ и торопли-

во одѣли наше платье, согрѣтое у костра. Потомъ сѣли къ огню пить чай.

У Промтова была желѣзная кружка, онъ налилъ въ нее кипящаго чая и предложилъ его сначала мнѣ. Но чертъ, который всегда готовъ посмѣяться надъ человѣкомъ, держуль меня за одну изъ живыхъ струнъ сердца, и я великодушно заявилъ:

— Спасибо! Пейте сначала вы, я подожду.

Я сказалъ это въ твердой увѣренности, что Промтовъ непременно захочетъ соревновать со мною въ великодушїи и вѣжливости, тогда я уступилъ-бы ему и первый выпилъ-бы чай. Но онъ просто сказалъ:

— Ну, хорошо...

И поднесъ кружку къ своему рту.

Я отвернулся въ сторону и сталъ пристально смотрѣть въ пустынную степь, желая убѣдить Промтова, будто я не вижу, какъ ѣдко смѣются надо мной его темные глаза. А онъ прихлебывалъ чай, жевалъ хлѣбъ, вкусно чмокая губами и дѣлалъ все это мучительно медленно. У меня отъ холода даже внутренности дрожали, и я готовъ былъ въ горсть себѣ налить кипятку изъ чайника.

— Что, засмѣялся Промтовъ, не выгодно деликатничать-то?

— Увы! сказалъ я.

— Ну и прекрасно! Учитесь... Зачѣмъ уступать другому то, что тебѣ выгодно или прїятно? Вѣдь, хотя и говорятъ, что всѣ люди—братья, однако, никто не пробовалъ доказывать это метрическими справками...

— Ужъ будто вы именно такъ думаете?

— А чего ради я говорилъ-бы не такъ, какъ думаю?

— Знаете, вѣдь человѣкъ всегда немножко рисуется, кто-бы онъ ни былъ...

— Не пойму я, чѣмъ вызвалъ у васъ такое недовѣріе ко мнѣ...—пожалъ плечами этотъ волкъ.—Ужъ не тѣмъ-ли, что далъ вамъ хлѣба и чаю? Такъ я сдѣлалъ это не изъ братскихъ чувствъ, а изъ любопытства. Вижу человека не на своемъ мѣстѣ и хочется знать, какъ и чѣмъ его вышибло изъ жизни...

— И мнѣ тоже этого хочется... Скажите мнѣ—кто и что вы? спросилъ я у него.

Онъ пытливо посмотрѣлъ на меня и помолчавъ сказалъ:

— Человѣкъ никогда точно не знаетъ, кто онъ... Нужно спрашивать у него, за кого онъ себя принимаетъ.

— Хотя-бы и такъ.

— Ну... думаю, что я человѣкъ, которому въ жизни тѣсно. Жизнь узка, а я—широкъ... Можетъ быть, это не вѣрно. Но на свѣтѣ есть особый сортъ человѣковъ, родившихся, должно-быть, отъ Вѣчнаго Жиды. Особенность ихъ въ томъ, что они никакъ не могутъ найти себѣ на землѣ мѣ-

сто и прикрѣпиться къ нему. Внутри ихъ всегда живетъ тревожный зудъ желанїа чего-то новаго... мелкіе изъ нихъ никогда не могутъ выбрать себѣ штановъ по вкусу, и отъ этого всегда неудовлетворены и несчастны, крупныхъ ничто не удовлетворяетъ, ни деньги, ни женщины, ни почетъ... Такихъ людей въ жизни мало любить,—они дерзновенны и неуживчивы. Бѣда большинства людей—пятачки, ходовая монета... и вся разница между ними въ годахъ чеканки. Этотъ—стерть, этотъ—поновье, но пѣна имъ одна, матеріалъ ихъ одинаковъ и во всемъ они тошнотворно схожи другъ съ другомъ. А я вотъ не пятачекъ... хотя, быть можетъ, я семишникъ... Вотъ и все.

Онъ говорилъ все это—скептически усмѣхаясь, и мнѣ казалось, что онъ самъ не вѣритъ себѣ. Но онъ возбуждалъ во мнѣ жадное любопытство, и я рѣшилъ идти за нимъ, пока не узнаю, кто онъ? Было ясно, что это такъ называемый „интеллигентный человекъ“. Ихъ много среди бродягъ, но всѣ они—мертвые люди, потерявшіе всякое уваженіе къ себѣ, лишенные способности къ самоощущенію, и всѣ они живутъ лишь тѣмъ, что съ каждымъ днемъ своей жизни падаютъ все ниже, ниже въ грязь и гадость; потомъ они растворяются въ ней и исчезаютъ изъ жизни.

Но у Промтова было что-то твердо и стойкое. И онъ не жаловался на жизнь, какъ это дѣлаютъ всѣ.

— Ну что-же? Идемъ! предложилъ онъ.

— Идемъ!

Мы поднялись съ земли, согрѣтые чаемъ и солнцемъ, и пошли берегомъ рѣки внизъ по ея теченію.

— А вы какъ добываете пропитаніе? спросилъ я Промтова. Работаете?

— Работаютъ? Нѣтъ, я до этого не охотникъ...

— Но какъ-же?

— А... вотъ увидите!

Онъ замолчалъ. Потомъ, пройдя нѣскольکو шаговъ, сталъ насвистывать сквозь зубы какую-то веселую пѣсню. Глаза его увѣрено и зорко оглядывали степь, и шагаль онъ твердо, какъ человѣкъ, идущій къ цѣли.

Я смотрѣлъ на него, и желаніе понять, отъ кѣмъ я имѣю дѣло, все сильнѣе разгоралось во мнѣ.

Насъ окружала степь пустынная и тихая надъ нами сияло ласковое солнце юга, мы вдыхали полной грудью чистый, бодрящїи воздухъ и шли вдаль, гдѣ обрывки туч столпились въ красивый хаосъ красокъ формъ.

М. Горькій.

(Окончаніе слѣдуетъ).